

ПРОСТРАНСТВА, ГРАНИЦЫ, СООБЩЕСТВА

Ю.П. Шабавев, К.В. Истомина

ТЕРРИТОРИАЛЬНОСТЬ, ЭТНИЧНОСТЬ, АДМИНИСТРАТИВНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ГРАНИЦЫ: КОМИ-ИЖЕМЦЫ (ИЗЪВАТАС) И КОМИ-ПЕРМЯКИ КАК “ДРУГИЕ” КОМИ

Ключевые слова: коми, коми-пермяки, коми-ижемцы, идентичность, территориальность

В статье рассматриваются попытки этнизации территориальной идентичности, которые имели место в регионах проживания коми. Коми-зыряне и коми-пермяки имеют общий этноним (коми), а некоторые лингвисты считают коми-зырянский и коми-пермяцкий языки двумя основными наречиями единого языка коми. Тем не менее в XX в. удалось создать особую коми-пермяцкую идентичность, наличие которой не подвергается сегодня сомнению. Менее успешны были попытки сформировать отдельную ижемскую идентичность для печорских коми.

Любое социальное сообщество имеет пространственную организацию, которая характеризуется с помощью как физических определителей, так и символических. Однако символика пространства рождается тогда, когда сформировавшееся в его пределах сообщество создает свою культурную среду, т.е. когда пространство начинает восприниматься в качестве культурного пространства, включающего в себя “взаимодействие четырех субстанций или элементов: пространства, времени, смысла и коммуникации” (Тишков 2003: 290).

Существенную роль в указанном взаимодействии играет власть. Со времен публикации основополагающих работ Анри Лефевра (*Lefebvre* 1991) сложные и многосторонние отношения между этничностью, территориальностью и политической властью неоднократно становились предметом этнополитических исследований (их обзоры см. в недавно опубликованных работах: *Storey* 2012; *Moore* 2015). В тех исследованиях, которые посвящены бывшему Советскому Союзу, одной из часто повторяющихся тем является так называемая территориализация этничности, создание этнически очерченных территорий, являвшееся существенной частью этнонациональной политики большевиков (Тишков 1993; *Slezkine* 1994; *Филиппов* 2003; *Малахов* 2005). На данный момент общепризнанно, что советские коммунисты были мастерами создания

Юрий Петрович Шабавев | <http://orcid.org/0000-0002-0867-4662> | shabaev@mail.illhkomisc.ru | д. и. н., зав. сектором этнографии | Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (ул. Коммунистическая 26, Сыктывкар, Республика Коми, 167982, Россия)

Кирилл Владимирович Истомина | <http://orcid.org/0000-0002-6599-4945> | kistomin@naver.com | к. и. н., старший научный сотрудник сектора этнографии | Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН (ул. Коммунистическая 26, Сыктывкар, Республика Коми, 167982, Россия)

Исследование проведено в рамках проекта ERA.Net RUS Plus программы № 189 (CORUNO)

территорий для этнических групп в самых разных формах. Посредством подобного производства этнического пространства к существующим этническим идентичностям добавлялся географический компонент, а иногда географические идентичности создавались из этнических заново, практически на пустом месте (*Slezkine* 1994).

Гораздо менее известно, что в истории советской и постсоветской России можно найти и несколько примеров противоположного процесса – создания этнической идентичности из территориальной. Этот процесс сам по себе не является чем-то новым или необычным, поскольку на этнизации территориальной идентичности базировалась национальная идеология многих молодых национальных государств Европы (*Storey* 2012). Однако для многонациональных империй, таких как Россия, создание этнических идентичностей для территорий представляет собой очень редкое явление (*Malachov* 2005; *Moore* 2015). С другой стороны, изучение подобных редких явлений имеет огромную важность, поскольку они показывают, что взаимосвязь между этничностью, территориальностью и властью в империях (реальных или мнимых) гораздо сложнее, чем это предполагает устоявшийся взгляд, согласно которому имперский центр имеет полную свободу перекраивать границы и административные территории внутри империи для манипулирования и управления проживающими в ней этническими группами.

В настоящей работе мы постараемся проследить две попытки создания этнической идентичности на основе территориальной идентичности, имевшие место на территории Республики Коми и соседней с ней Пермской области (ныне – Пермского края). В центре нашего внимания будет находиться одна из них, а именно неудачная попытка создать идентичность “Изьватас” для коми-ижемцев. В процессе анализа мы сравним эту попытку с успешным созданием коми-пермяцкой идентичности.

Несколько замечаний о влиянии географии на историю

По данным переписи 2010 г. около 320 тыс. чел. в Российской Федерации, независимо от языка, на котором они говорят, называют себя “коми”. Однако, с точки зрения, принятой в настоящее время в российской этнографии классификации (см., напр., классическую работу: *Белицер* 1958), эти люди принадлежат к двум различным этническим группам: собственно коми (около 220 тыс. чел.) и коми-пермякам (около 100 тыс. чел.). Эти две этнические группы говорят на двух родственных, но все-таки различных языках: коми-зырянском и коми-пермяцком соответственно. Наконец, две последние переписи населения (2002 и 2010 гг.) выявили существование третьей группы людей, называющих себя ижемцами или “изьватас”, но говорящих на одном из диалектов коми-зырянского языка.

Что представляют собой эти три группы и как можно объяснить их противоречивые и иногда даже конфликтующие этнические и языковые идентичности?

Чтобы начать отвечать на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов об истории и географии региона. Северо-восток европейской части России представляет собой ровную низменность, часто переувлажненную и покрытую хвойными лесами – тайгой. Хотя внутри региона отсутствуют четкие естественные географические границы, такие как горные цепи или большие озерные системы, его природная среда создает определенную пространственную структуру, исторически оказывавшую существенное влияние на социальную и политическую жизнь местного населения. В этой болотистой и покрытой густым лесом части России постоянные человеческие поселения были возможны только по берегам рек, которые связывали поселения в единую поселенческую сеть и исторически являлись каналами распространения политической власти и поддержания экономических связей. Водоразделы представляли собой естественные границы между экономическими и административными районами, и их можно легко увидеть на административных картах региона на протяжении

всей его истории. И именно карты делали эти естественные границы культурно и политически значимыми, а потому играли важную роль в легитимации и классификации местных сообществ (Андерсон 2001: 180–201). Поэтому совершенно не случайно административные карты отражают гидрологию этого региона порой гораздо точнее, чем какие-либо другие физические особенности территорий.

Предки коми, известные в русских летописях под названием “Пермь”, населяли две речные системы указанного региона: верхнекамскую и вычегодскую. Следуя идее особой роли водоразделов в политической и экономической географии европейского севера России, некоторые русские летописи позднейшего времени делили территорию, населенную пермью, на “Пермь великую” – бассейн верхней Камы и “Пермь вычегодскую” – бассейн Вычегды. Нередко эти условные географические названия переносились исследователями и на население указанных регионов. Перенос названия мог быть связан с тем, что каждый из регионов, в силу доступности и простоты транспортных связей внутри него, представлял собой социальную и, возможно, политическую общность (последнее особенно вероятно в случае более плотно заселенной Перми Великой), но существование каких-либо значительных лингвистических или культурных различий между населением двух регионов сомнительно. Действительно, вплоть до конца XVII – начала XVIII в. термин “пермский язык” регулярно использовался как наименование наречия, на котором говорили в обоих регионах. Так, в своем знаменитом труде “Noorden oost Tartarye” (Северная и восточная Татария), опубликованном в Амстердаме в 1705 г., Николас Витсен приводит небольшой текст (молитву “Отче Наш”) на “пермском языке, на котором говорят на Вычегде, Выми и Каме”.

В конце XIV–XV вв. пермяне были обращены в христианство и территория их проживания вошла в состав Великого Княжества Московского (Вычегодско-вымская летопись 1958; см. также: Давыдов 1977). Пермь Вычегодская (в более поздних документах называемая параллельно также “Вычегодская” или “Вымская земля”, а в документах XVII в. – Вычегодский уезд) и Пермь Великая стали двумя административными единицами российского государства, а водораздел между Камским и Вычегодским речными бассейнами стал административной границей между ними (Сметанин 2004: 66–74). Упомянутая административная граница по Вычегодско-Камскому водоразделу оставалась неизменной на протяжении *всей* дальнейшей истории России, несмотря ни на какие административные изменения.

Еще одним важным следствием установления административной границы стало появление двух различных русских слов для обозначения представителей народа пермь. Так, если русские, жившие на Каме и Вятке, продолжали называть их “пермью”, то русские жители Северной Двины и нижней Вычегды стали называть их “зырянами”. Этимология последнего термина не ясна, как неясен и точный период его появления. Можно установить, однако, что термин “зыряне” использовался уже в конце XVII в. В XVIII столетии термин “Пермяне (Пермяки)” стал обозначением потомков Перми, проживающих в Казанской губернии, в то время как в Архангельской и, позже, Вологодской губернии стал использоваться в тех же целях термин “Зыряне”. Эта ситуация зафиксирована Г. Ф. Миллером в труде “Описание живущих в Казанской губернии языческих народов” (Миллер 1791), где указывается, что пермяки и зыряне “за один народ почитаются”. Миллер фактически подтверждает правильность такого “почитания” и прибавляет, что пермяки и зыряне «называют себя и один другого “коми”» (Миллер 1791: 36–37). После своего вхождения в состав Русского государства потомки перми колонизировали обширные территории к северу и северо-востоку от своей исторической родины. Возможно, наиболее значительной вехой в этом процессе колонизации стало их проникновение в бассейн Печоры – третью из основных речных систем региона. Это проникновение произошло в XVI в. (скорее всего, его второй половине), когда коми (или пермско-язычные) переселенцы из вычегодской (вымской) земли основали первое поселение на реке Ижма, притоке Печоры (Сметанин 2004:

84–85). И снова гидрологический фактор территориального деления немедленно стал оказывать влияние на формирование административных границ: хотя вновь основанное поселение было первоначально включено в состав Вычегодской (Вымской) земли, из которой происходили его основатели, оно оставалось в составе оной всего несколько десятилетий. Уже в 1587 г. поселение было выведено из состава Вымской земли и вместе с соседними русскоязычными Усть-Цильмой и Пустозерском образовало новый Пустозерский уезд (с 1602 г., между 1587 и 1602 гг. – Пустозерская волость). Как несложно догадаться, административная граница между этим уездом и Вычегодской землей прошла по водоразделу между Печорским и Вычегодским речными бассейнами. Этой границе также предстояла долгая жизнь – сначала в качестве границы между уездами (их названия и размеры менялись, но граница оставалась на месте), а затем в качестве границы между Архангельской и Вологодской губерниями (*Сметанин* 2004).

Переселенцам из бассейна Вычегды пришлось пройти долгий процесс адаптации к природным условиям Печорского бассейна, где целый ряд элементов традиционного для перми хозяйственного комплекса, включая земледелие, оказались непродуктивными. Этот процесс адаптации сильно изменил культуру и образ жизни поселенцев Ижмы. Наиболее серьезные из этих изменений были связаны с появлением у них крупнотабунного оленеводства, которое стало одним из важнейших элементов хозяйственной специфики Ижмы (*Истомин* 2004). Ижемские оленеводы кочевали со своими огромными стадами оленей по всей Большеземельской тундре, от низовий Печоры до Уральских гор. Во второй половине XIX в. выходцы из Ижмы и других печорских сел пересекли Уральские горы и основали комиязычные поселения на реках Обь, Надым и Пур. Наконец, в последних десятилетиях XIX в. большая группа комиязычных оленеводов переселилась на Кольский полуостров. Территориальная экспансия вела к многочисленным контактам с другими группами, такими как ненцы, русские староверы, ханты, саами. Эти контакты оказали существенное влияние на материальную (жилища, одежда, пища) и нематериальную культуру, а также язык потомков поселенцев Ижмы, сделав их во многом отличными от культуры и языка жителей бассейна Вычегды. Не ясно, привели ли эти отличия к формированию отдельной идентичности потомков ижемских поселенцев в период до первой четверти XX в. Какие-либо свидетельства существования такой идентичности отсутствуют. Люди с Ижмы и люди с Вычегды продолжали «называть себя и один другого “коми”» и не возражали, когда русские называли их “зырянами”.

Попытка построить отдельную ижемскую идентичность

В 1921 г. коммунистическое правительство России объявило о создании новой административной единицы – Автономной области коми (зырян). Это было классическим актом создания территории под этничность, одним из многих в то время (ср., напр., создание Башкирской автономной области в 1919 г., Карельской трудовой коммуны в 1920 г. и т.д.). Как ясно из названия новой единицы, она должна была стать “исторической родиной” всех тех, кто называл себя “коми” и кого русские называли “зырянами”, т.е. для потомков перми, живших в бассейнах Вычегды и Печоры. Она не была предназначена стать “коллективной собственностью” тех коми, кого русские “зырянами” не называли. Поэтому область не включала в свой состав бассейн верхней Камы, хотя верхняя часть реки Летка была ей передана в 1929 г. Причины и следствия этого решения будут рассмотрены далее в настоящей работе. Сейчас же заметим, что создание новой области уничтожило просуществовавшую 350 лет административную границу между Печорским и Вычегодским бассейнами. Гидрологический фактор территориального деления уступил место фактору этнического единства. Как это происходило по всей России, создание новой территории сопровождалось так называемой политикой коренизации, которая включала набор мер, направленных на формирование административных кадров из числа местного населения, перевод административного

делопроизводства на местный язык, развитие новой системы начального и, позже, среднего образования на местном языке, создание на нем масс-медиа (газет, журналов, радиовещания). Для успешного проведения этой политики была снова создана коми письменность, а также “официальный” вариант этого языка (так называемая “коми литературная норма”). В основу этого официального языка лег диалект населения средней Вычегды, т.е. центральной части региона (см.: Бараксанов 1989).

Одним важным следствием политики коренизации стало значительное увеличение контактов между жителями Печоры и Вычегды. Что еще более важно, изменился и сам характер этих контактов. Начиная со второй половины 1920-х и вплоть до 1950-х годов, когда политика коренизации была предана забвению, регион Печоры испытал наплыв приезжих из южной части Республики Коми, приехавших работать администраторами, учителями, инженерами и образовавшими существенную и влиятельную часть новой местной интеллигенции. Эти люди называли себя “коми” и были уверены, что они принадлежат к той же этнической группе, что и местное население. Местные жители, также называвшие себя “коми”, разделяли это мнение. Однако эта новая интеллигенция говорила на немного другом языке по сравнению с местным населением.

Тут следует заметить, что, несмотря на определенную разницу в фонетике, значении отдельных слов и иногда в грамматических формах, диалекты жителей Печоры и Вычегды достаточно похожи. Судя по воспоминаниям информаторов из сел Ижма и Уса, приехавшая в 1920–1930-е годы с юга новая интеллигенция была убеждена, что ее вариант языка коми является более правильным и развитым. Действительно, ведь это был тот самый вариант языка, на котором в данный период издавались правительственные документы, печатались газеты и книги. Наоборот, диалект, на котором разговаривали печорские коми, интеллигенция считала неправильным, отсталым и смешным языком, языком “испорченным”.

Приезжая интеллигенция считала своим долгом помочь местным сородичам, научив их разговаривать по коми “правильно”. Более того, поскольку приехавшие на Печору с юга “местные кадры”, особенно начиная с 1930-х годов, получили образование, соответствующее марксистской традиции, они не могли не увидеть, что не только язык, но и культура их печорских сородичей была ужасно отсталой: многие из них были кочевниками-оленеводами и, значит, как учила марксистская традиция, находились на более низкой ступени развития производительных сил по сравнению с земледельцами юга области. Для приезжих было очевидно, что во всем регионе нет ни одного рабочего-пролетария, который мог бы достойно представлять интересы местного населения в уездном комитете партии, что идеологически местные кадры слабо подготовлены в силу своей “отсталости”.

Разумеется, подобное отношение совсем не нравилось печорским коми и вызывало у них зачастую очень резкую реакцию. Так, в 1920-х годах они сопротивлялись введению школьного обучения на языке коми и даже сжигали учебники, написанные на “официальном” его варианте. Вместо этого они требовали ввести школьное образование на русском (Ким, Шабает, Истомин 2015). Таким образом, возникла ситуация, когда, во-первых, коми с юга области масштабно столкнулись с “другими” коми и попытались сформировать некий обобщенный образ этих “других”, а во-вторых, северные коми сами в результате этого столкновения “увидели” с помощью приезжих, выступивших в роли “культурного зеркала”, свою непохожесть, свои отличия от “настоящих” коми. Используя метафору зеркала для понимания категории *Другие*, С. В. Соколовский отмечает, что “зеркало это, помимо прочего, подчеркивает селективный характер нашего восприятия и, как обычно, когда мы сталкиваемся с *Другими*, сообщает значительно больше о нас, нежели о них” (Соколовский 2001: 43).

Однако наиболее важным следствием всей названной ситуации стало появление у северных коми чувства отдельной идентичности. Начиная примерно с 1930-х годов, печорские коми начали противопоставлять себя выходцам из вычегодского бассейна,

которых они стали называть “зырянами”. Это противопоставление нас (коми) им (зырянам) до сих пор составляет существенную часть идентичности печорских коми, проживающих в Республике Коми (Ким, Шаббаев, Истомин 2015). Интересно, что данное противопоставление отсутствует у коми, компактно проживающих за пределами республики, в том числе у зауральских и кольских коми, которые являются потомками переселенцев из бассейна Печоры и говорят на печорском (ижемском) диалекте языка. Более того, зауральские коми до сих пор с готовностью называют сами себя “зырянами” (ПМА 1). По нашему мнению, это доказывает, что противопоставление “коми” — “зыряне” возникло у северных коми уже после образования этнической территории и более того, оно было следствием создания этой территории.

Особенности культуры, экономики и языка печорских коми не остались без внимания этнографов и лингвистов, которые ввели термины “ижемская этнографическая группа коми” и “ижемский диалект языка коми” для обозначения, соответственно, самой группы и языка, на котором ее представители говорят (Белицер 1958; Сахарова, Сельков 1976). Эти термины содержат отсылку к реке Ижма, где группа исторически сформировалась и где до сих пор расположены самые большие поселения северных коми, включая село Ижма. Термин “ижемцы” использовался в печорском крае для обозначения коми еще в XIX — начале XX в., когда память об исторической связи группы с рекой Ижмой была жива (Керцелли 1911; Максимов 1984). Название для коми в ненецком языке — *ызма* или *нгызма* также содержит отсылку к этой реке. Однако сами северные коми, по крайней мере при разговоре на языке коми, этот термин в отношении себя никогда не использовали.

Нужно особо подчеркнуть, что этнографы и лингвисты, признавая специфичность группы, никогда не выделяли ее из состава коми (зырянского) народа в качестве отдельного этноса или субэтноса. Точно так же сами северные коми хотя и отделяют себя от “зырян” в некоторых ситуациях, чаще всего объединяют себя с ними в ситуациях этнического контакта, например, с русскими или с ненцами. Это чувство культурного единства с южными коми и противопоставление себя русским особенно усилилось среди них во второй половине XX столетия, когда большинство факторов, прежде вызывавших актуализацию групповой идентичности, исчезло: к этому времени единственным языком административного делопроизводства, а с 1977 г. — также и школьного обучения, стал русский, а массовый приток русскоязычного населения в республику превратил коми в этническое меньшинство.

При этом стоит согласиться, что “уже самое общее определение идентичности как процесса идентификации индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями его социальной среды или как необходимости все нового и нового согласования собственных притязаний с притязаниями других указывает на невозможность понимания идентичности таким образом, будто ее содержание раз и навсегда закреплено” (Воронков, Освальд 1998: 13). И в этой связи не вызывает сомнений, что понятие идентичности важно использовать “в четко очерченном социальном/пространственном/временном контексте и каждый раз переопределять его в соответствии с выделенным контекстом” (Филиппова 2008: 15).

Новая актуализация идентичности северных коми произошла в 1990-е годы. Актуализация была связана с общим ростом политической активности в России до и непосредственно после распада Советского Союза. В то время идея “возвращения к этническим корням”, использование этничности для политической мобилизации и коммодизация этничности (см.: Comaroff J. L., Comaroff J. 2009) широко распространились во всей Российской Федерации. В 1990 г. новая общественная организация “Общественное движение коми-ижемцев “Изьватас” было основана в селе Ижма. Организация поначалу преследовала в основном культурные цели, такие как “сохранение ижемского диалекта” и “культурной самобытности коми-ижемцев”. Первый глава организации Виталий Канев писал (по-русски), что ижемцы — “это особый этнос,

отличающийся по языку и образу жизни от других коми” (Ким, Шабаев, Истомина 2015: 89). Это утверждение достаточно сложно интерпретировать, однако анализ других документов движения показывает, что в 1990-е годы члены движения считали северных коми особой группой народа коми, имеющей свою специфику, но являющуюся частью большого сообщества коми. Термин “Изьватас” в названии организации (организация была широко известна именно как “движение изьватас”) является дословным переводом на язык коми термина “ижемцы” (“Изьва” – название реки Ижма в языке коми).

Отношение движения “Изьватас” к статусу группы сильно изменилось на рубеже веков, после того как в России был принят закон о правах малых коренных народов Севера и Сибири (Шабаев, Дронова, Шаранов 2010; Ким, Шабаев, Истомина 2015: 90–91). В соответствии с этим законом представители малых коренных народов получили особые права на территорию своего проживания, ее природные ресурсы. Принятие этого закона немедленно поставило северных коми в неравное положение по отношению к другим оленеводческим группам, за исключением якутов.

Подобно якутам, коми не удовлетворяют сразу нескольким критериям, обязательным, согласно новому закону, для признания этнической группы малым народом севера: коми слишком многочисленны (200 тыс., в то время как численность малого народа севера не должна превышать 50 тыс. чел.) и только малая их часть ведет традиционный образ жизни и занимается традиционной хозяйственной деятельностью. Однако, поскольку обладание правами коренного малочисленного народа было объективно важно для благополучия северных коми, движение “Изьватас” начало долгую борьбу за предоставление указанного статуса и связанных с ним преференций.

С этой целью движение “Изьватас” развернуло пропагандистскую кампанию в попытке склонить северных коми называть себя в ходе всеобщей переписи населения 2002 г. не “коми”, а “ижемцами” или “изьватас”. Иными словами, северных коми призывали отбросить свое традиционное самоназвание и использовать вместо него термин российской этнографии либо в его русском варианте, либо в переводе на язык коми. В поддержку своей позиции активисты движения ссылались на особую историю и психологические качества северных коми, а также на перспективу получения статуса коренного народа. Часто подчеркивалась моральная несправедливость того, что северные коми оказались лишены этого статуса, в то время как их ближайшие соседи ненцы его получили.

Важно заметить, что ассоциация “Изьватас” добилась впечатляющего результата, поскольку примерно 16 500 чел. (что составляет примерно 35% всех северных коми) объявили себя в ходе переписи 2002 г. “ижемцами” или “изьватас”. Однако, если присмотреться к территориальному распределению тех, кто заявил эту идентичность, то обнаруживается достаточно интересная картина: 11 400 из 16 500 изьватасов проживало на территории Ижемского района РК – внутренней административной единицы, охватывающей нижнюю часть реки Ижма и часть побережья реки Печора. С другой стороны, во всем бассейне средней Печоры, включая бассейн Усы – т.е. на исторических землях ижемцев за пределами Ижемского района, а также на остальной территории Республики Коми, ижемцами себя назвали всего около 1 100 человек. Следующая выдержка из интервью с оленеводом коми, проживающим в Интинском районе Республики Коми (среднее течение р. Уса), помогает понять причины такого распределения:

В.: Как ты считаешь, вы тут (т.е. оленеводы бассейна Усы) – изьватас?

О.: Конечно нет, какое мы отношение к Изьва-ю (реке Ижма) имеем? Я там и не был никогда и другие почти никто не были. Какие же мы изьватас? Мы – усватас! (Усва – название реки Уса в языке коми).

В.: Значит, во время переписи ты записался коми, а не изьватас?

О.: Да. Я же коми! Усинский коми. Я не с Ижмы, зачем же я должен им врать? (ПМА К. В. Истомина, работа в Интинском районе Республики Коми, 2010 г.).

Интересно, что тот же самый информатор очень остро чувствовал оппозицию между коми и зырянами (южными коми) и в других интервью неоднократно смущал исследователя (по происхождению и языку — сысольского (южного) коми) утверждениями типа «Вы, зыряне, никогда ничего не поймете в оленеводстве. Понять оленеводов вам не дано». Тем не менее он энергично отрицал саму возможность назваться «изьватас»: для него назваться так означало присвоить чужую географическую идентичность и одновременно предать свою собственную. Вероятно, большинство северных коми бассейна средней Печоры в своем самоопределении исходили из схожих позиций. Поэтому кампания движения «Изьватас» была наиболее успешной именно в ижемском кусте поселений, расположенных по берегам реки Ижма. Здесь термин «изьватас» вполне соответствовал как их географической, так и групповой идентичности. Для жителей этих поселений утверждение «изьватас — отдельная этническая группа» означало придание этнического статуса их реально существующей географической идентичности. Кампания имела некоторый успех за пределами Республики, где коми, скорее всего, вообще не думали о термине «Изьва» как о географическом названии. Действительно, даже если часть из них и знала о существовании реки Ижма, эта река, скорее всего, не была частью их ментальной карты физического пространства. Более того, для коми, проживающих в Ненецком и Ямало-Ненецком округах, свою роль могло сыграть и созвучие (отражающее, впрочем, реальную этимологическую связь) термина «Изьва» и термина *ызма/нгызма* — этноним *коми* на языке ненцев. Если все это, действительно, было так, то коми, жившие за пределами республики, были, видимо, единственными, кто употребил термин «Изьватас» именно в том смысле, в котором хотели его употребить активисты движения — в качестве этнического названия без связи с географическим значением.

В ходе последней переписи населения России, состоявшейся в 2010 г., 6000 чел. провозгласили себя ижемцами. Таким образом, число людей, выбравших эту идентичность, упало по сравнению с 2002 г. практически втрое. Как и раньше, абсолютное большинство этих людей проживает в Ижемском районе Республики Коми. На итогах переписи определенным образом сказались развернутая республиканскими СМИ кампания «Запишись коми», неверные установки, которые давались переписчикам, но эти и другие факторы не имели решающего значения, ибо основной причиной такого резкого падения численности изьватас является провал проекта получения статуса коренного малочисленного народа. Действительно, группе было отказано в этом статусе, несмотря на относительный успех кампании 2002 г. и поддержку инициативы научной общественностью. Это привело к тому, что массовые настроения существенным образом изменились, что показали результаты двух опросов, проведенных в 2007 и 2014 гг. в административном центре Ижемского района — селе Ижма (где проживает треть жителей этого района). Данные опросов подтвердили, что число тех, кто склонен считать ижемцев специфической культурной группой коми, и особенно отдельным культурным сообществом, существенно сократилось. При этом названная идея лишилась поддержки молодежи (ПМА 2). Единственным реальным успехом ижемского движения стало приглашение ассоциации «Изьватас» к участию в качестве наблюдателя в работе Российской ассоциации коренных малочисленных народов Севера и Сибири (АКМНС). Такой неутешительный результат, по-видимому, сильно уменьшил готовность северных коми заявлять о своей ижемской идентичности, что позволяет, на наш взгляд, уточнить интерпретацию результатов переписи 2002 г. Судя по всему, в ходе этой переписи большая группа северных коми, проживавших в Ижемском административном районе, заявила свою географическую идентичность в качестве этнической при ответе на соответствующий вопрос переписного листа. Необходимо подчеркнуть, что представители группы, скорее всего, имели в виду обе эти идентичности, и их ответ показывал выбор между ними, а вовсе не отрицание одной из них (коми) в пользу другой (изьватас), на что, скорее всего, надеялись ижемские активисты. Как только инструментальные причины, приведшие к такому выбору,

исчезли, большинство жителей Ижемского района вернулось к выбору “коми” в качестве этнической идентичности.

Далее мы попытаемся проанализировать причины провала “ижемского проекта”. Однако прежде мы бы хотели уточнить высказанные нами в данной части работы утверждения. Мы не утверждаем, что северные коми не имеют культурных и экономических особенностей, которые делают их отличными от коми вычегодского бассейна. Мы также не утверждаем, что они не имеют сильного чувства групповой идентичности. Полагаем, что эта идентичность чаще всего проявляется не как форма тождества с отдельной этнической группой, отличной от всех остальных коми, а, скорее, как отрицание похожести на других коми. Для современных северных коми, коми с юга республики являются “зырянами”, что значит “коми, но не совсем”, “коми, но не такие, как мы” (объяснения информаторов).

История коми-пермяцкой идентичности

Первоначальный план создания Автономной области Коми, подготовленный Дмитрием Батиевым и представленный правительству в Москве в 1921 г., предусматривал включение в новую административную единицу всех территорий, населённых потомками перми, называющими себя “коми”. В том числе новая область должна была включать бассейн верхней Камы, населённый пермяками (*Шабаев* 2000: 27). Для Дмитриева Батиева, судя по всему, было очевидно, что эти люди принадлежали к той же этнической группе, что и население Вычегды и Печоры, и они должны были войти в новую этническую территорию, создаваемую для этой группы. Однако Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, рассмотревший план Батиева в апреле 1921 г., принял решение, что новая этническая территория должна быть создана сначала на территории двух губерний, Архангельской и Вологодской, в то время как части территории других губерний могли быть присоединены к ней позже. Поэтому южная граница новой административной единицы снова прошла по водоразделу между бассейнами Вычегды и Камы. Соответствующий акт был издан 22 августа 1921 г. Вопрос о присоединении бассейна верхней Камы к Автономной области Коми был снова поднят в 1923 г., когда прежняя Пермская губерния была упразднена и вместо нее создавалась новая Уральская область. Судя по всему, создатели этой новой области были людьми прагматичными и гидрологический фактор, описанный в начале статьи, играл ключевую роль в их решениях относительно границ новой области. Так, они исключили из состава новой области и передали Автономной области Коми три волости, расположенные у самых истоков р. Печоры, которые раньше относились к Пермской губернии. Интересно, что население этих волостей считало себя русским. Тем не менее, их передача в состав этнической территории другого народа позволила провести новую границу не только по водоразделу Вычегды и Камы, но и точно по водоразделу Печоры и Камы и, таким образом, более строго соблюсти гидрологический принцип разграничения, который старая граница слегка нарушала. Понятно, что при таком подходе к административному разграничению бассейна верхней Камы и его комиязычное население должны были остаться в составе Уральской области. Однако, поскольку население этой территории продолжало требовать признания и защиты своих культурных и языковых прав через присоединение к области Коми, была организована специальная комиссия для решения вопроса о принадлежности этой территории. Результаты работы этой комиссии были рассмотрены 25 февраля 1925 президиумом ЦИК, который на их основании постановил:

Ввиду значительной территориальной отдаленности Пермьского края от области Коми и отсутствия экономической взаимной связи между этими двумя районами отклонить ходатайство Автономной области Коми и представителей пермяцкого населения о включении Пермьского края в состав области Коми, оставив Пермьский край в пределах Уральской области (цит по: *Сметанин* 2004а: 295).

Как видно из процитированного документа, нежелание ЦИКа объединить все комиязычное население в одну этническую территорию было вызвано, прежде всего, экономическими причинами. Действительно, ввиду отсутствия дорог в регионе гидрологический принцип его районирования гораздо лучше отвечал экономическим задачам. Однако Исполнительный Комитет не мог не заметить, что в данном случае этот принцип входит в явное противоречие с принципом территориализации этничности, который являлся краеугольным камнем коммунистической этнополитики того времени. Комитет нашел простое решение проблемы: для комиязычного населения камского бассейна была создана отдельная этническая территория – Коми-Пермяцкий национальный (позже – автономный) округ.

Как это всегда бывает, такое простое решение вопроса оставило неудовлетворенными все заинтересованные стороны. Так, в 1928 г. Федор Тараканов и Виктор Дерябин, два высокопоставленных административных работника и партийных активиста из Пермского округа, написали “дружеское партийное письмо” Иосифу Сталину, где вновь попросили о присоединении округа к области Коми. В этом письме они указывали, что создание отдельного Коми-пермяцкого округа “разрушает надежды на объединение всего народа коми на единой территории” и что 4 года существования округа “лишь снова подтвердили, что он должен быть присоединен к области Коми” (Тараканов 1990). На следующий год аналогичная петиция была направлена в Москву Организационным Комитетом Северного Края. Названные документы показывают, что во второй половине 1920-х годов мысль о том, что население области Коми и Коми-Пермяцкого округа принадлежит к разным этническим группам, даже не возникла по обеим сторонам границы.

Несмотря на все это, ЦИК решил придерживаться своего первоначального решения. Вместо присоединения к области Коми, в Коми-Пермяцком округе с конца 1920-х годов стала проводиться политика коренизации (Шабаетов 2000: 56). С самого начала эта политика была направлена на формирование у населения округа отдельной этнической идентичности. Прежде всего был создан “официальный” коми-пермяцкий язык на основе диалекта населения реки Иньва, притока Камы. Как и в области Коми, этот язык был объявлен “правильным” языком коми-пермяцкого народа и стал использоваться в административных документах округа, а также в школьном обучении. Интересной особенностью этого языка было и остается то, что его официальное название “коми-пермяцкôй кыв” очень трудно произносимо для любого носителя языка коми, поскольку во всех диалектах этого языка отсутствует аффриката “ц”. Поэтому детей в Коми-пермяцком округе приходится специально тренировать, чтобы они смогли произнести название их родного языка – факт, мы думаем, не имеющий параллелей в современном мире. Тем не менее, начиная с 1930-х годов, детей в Коми-Пермяцком округе учат называть свой родной язык именно так, а не просто “коми кыв”, а также использовать по отношению к себе этноним “коми-пермяк”, а не “коми”.

Вместе с созданием коми-пермяцкого языка начала формироваться и новая интерпретация истории региона. Согласно этой интерпретации Коми-пермяки и Коми (зыряне) были отдельными народами, начиная по крайней мере с XIV в.: Коми-пермяки являются потомками *перми великой*, в то время как коми-зыряне “происходят” от *перми вычегодской* (сторонники данной интерпретации последовательно относят эти названия к этническим группам, а не к географическим регионам) (Шабаетов 2000: 20). Поскольку существование отдельных коми-зырянского и коми-пермяцкого языков также возводится к этому времени, то сторонники данной интерпретации отказываются признавать древнепермскую письменность частью коми-пермяцкого культурного наследия.

Тем не менее так называемое культурное строительство в округе довольно быстро принесло свои плоды. Если в первой половине 1920-х годов наблюдалось очевидное единство взглядов политических лидеров области Коми и уездов Пермской губернии

с преобладанием населения коми, то уже в конце 1920-х годов единство было разрушено.

В мае 1929 г. комиссия ВЦИК начала изучать отношение коми-пермяцкого населения к перспективе включения округа в состав Коми АО. Но проведенный в округе опрос показал: идея не имеет широкой поддержки. Поэтому было принято постановление, отвергавшее возможность объединения с Коми АО. В декабре 1936 г. ЦИК Коми АССР вновь возбудил ходатайство относительно присоединения округа к республике, но власти округа отвергли это ходатайство (*Шабаев, Жеребцов 2007: 150–151*).

Наконец, существенной частью “этнического дискурса” в Коми-Пермяцком округе 1930-х годов было представление о том, что коми-зыряне из националистических побуждений отрицают культурную и языковую самобытность коми-пермяков. С этой точки зрения, моральным долгом коми-пермяцкой интеллигенции было защитить самобытность своего народа. Дискурс опасности и защиты идентичности исчез в 1950-е годы, однако снова возродился на некоторое время в начале нашего века в связи с планами территориальной перестройки Пермской области. Тогда правительство РФ, указывая на слабое экономическое и социальное развитие округа, начало кампанию за слияние его с Пермской областью. Определенные группы в Республике Коми использовали эту кампанию для того, чтобы вновь поставить вопрос о присоединении округа к Республике Коми. Идея присоединения к Республике получила некоторую популярность и в самом округе. В этой ситуации в среде коми-пермяцкой политической элиты произошло возвращение к дискурсу “зырянской опасности”. Утверждалось, например, что коми-пермяцкий этнос имеет гораздо больше шансов сохраниться в преимущественно русской Пермской области, где его культурную и языковую самобытность невозможно будет отрицать, чем в Республике Коми, где он из-за сходства языка и культуры просто растворится в численно превосходящем его зырянском народе. Против “зырянских шовинистов” снова были выдвинуты обвинения в отрицании самобытности пермского народа. На прошедшем в 2003 г. референдуме более 80% коми-пермяков проголосовало за присоединение округа к Пермской области. Вопрос о его присоединении к Республике Коми так и не был вынесен на голосование.

Таким образом, очевидно, что процесс создания коми-пермяцкой идентичности увенчался успехом (*Шабаев 2000: 73–85*). Большинство комиязычного населения округа в настоящий момент твердо уверено, что они и коми, проживающие в Республике Коми, являются двумя отдельными этническими группами. Хотя внутри самого округа в разговорах между собой его жители до сих пор нередко называют себя просто “коми”.

Особо заметим, что мы не отрицаем того факта, что в настоящий момент коми-пермяки являются отдельной этнической группой с отдельной этнической идентичностью. Более того, считаем, что любая попытка отрицать этот факт ущербна и политически некорректна. Мы также не отрицаем, что комиязычное население бассейна верхней Камы могло иметь (и скорее всего имело) отдельную местную географическую идентичность задолго до 1925 г. Мы сомневаемся, что эта географическая идентичность поднималась до уровня этнической идентичности. Иными словами, утверждаем, что своя этническая идентичность у коми-пермяков возникла благодаря их выделению в отдельную административную единицу.

Приведем пример, который объяснит, как мы надеемся, почему мы так считаем. Комиязычное население верховья реки Летка, притока Вятки, составляет одну из тех групп коми населения, которые проживают в бассейне Камы, но находятся за пределами Коми-пермяцкого округа. Исторически район реки Летка ниже села с аналогичным названием являлся частью Вятской губернии, и люди, населяющие этот район (Слудская волость), назывались пермяками, как и все другие группы коми в этой губернии. Сами слудские коми также использовали этот термин в качестве самоназвания, когда говорили по-русски. При создании Автономной области Коми в 1921 г.

Слудская волость осталась за ее пределами. Начиная со второй половины 1920-х годов жители волости, как и все другие комиязычные группы в бассейне Камы, стали считаться коми-пермяками, а их язык – диалектом коми-пермяцкого. Однако при создании в 1929 г. Нижегородской области, включившей в себя на некоторое время и бывшую Вятскую губернию, территория верхней Летки была передана Коми из-за “культурной близости ее населения населению республики”. И вот, буквально за одну ночь, коми верховьев Летки вдруг перестали говорить по-коми-пермяцки и начали говорить на коми-зырянском языке. Сейчас выходцы из Слудской волости считают себя коми (зырянами) и с недоверием воспринимают информацию, что когда-то их относили к другой этнической группе, а язык, на котором они говорят, не считали языком коми.

* * *

Две описанные попытки создания этничности для территории через конструирование этнической идентичности из географической имеют как много сходного, так и несколько различий. Наиболее значимое различие между ними – это, конечно, различие в их результатах. Одно из объяснений этого различия лежит на поверхности: движение “Изьватас” имело в своем распоряжении гораздо более ограниченные ресурсы, чем правительство регионального уровня.

Нам представляется, однако, что создатели ижемской идентичности в конце 1990-х годов находились в лучшем положении, чем создатели коми-пермяцкой идентичности в 1930-х годах: первые могли опереться на уже существующее в сознании северных коми противопоставление себя “зырянам”, в то время как присутствие аналогичного противопоставления себя вычегодским коми в сознании коми Камского бассейна для нас не очевидно. Поэтому провал попытки создания ижемской идентичности имел, видимо, и другие причины, помимо неспособности движения “Изьватас”, оказывать административное воздействие на тех, кто был не согласен с его идеями.

Мы уже предположили, что такой причиной могла быть чисто лингвистическая ошибка: термин “ижемец” (изьватас), выбранный движением в качестве названия для новой идентичности, имел семантические коннотации, которые сделали его неприемлемым для многих северных коми, проживающих за пределами небольшой территории Ижемского административного района. Для большинства носителей ижемского диалекта слово “Изьва” было обозначением конкретного географического места, к которому они, к несчастью, не принадлежали. Обратим внимание на различие между этим термином и термином “пермяк”. Как мы уже упоминали, употребление этого термина в качестве этнонима имело длинную историю: кроме того, что общие предки всех коми называются в летописях “пермью”, этот термин издревле употреблялся русской администрацией и жителями Вятской и Пермской губерний для обозначения коми. Более того, он употреблялся и самими коми для самообозначения. Наконец, для населения Коми-пермяцкого округа термин также имел географическую коннотацию, причем совпадающую с этнической: это население действительно проживало в Пермской губернии до 1923 г. и в Пермской области с 1955 г. В этом смысле они были Пермяками и в географическом смысле данного слова. Указанные различия в терминах породили серьезную разницу в задачах, которые стояли перед конструкторами идентичности в двух описанных случаях: создателям коми-пермяцкой идентичности не нужно было убеждать людей в том, что они были “пермяками”; проблемой было убедить их, что они, пермяки, отличаются от жителей бассейна Вычегды. Наоборот, ассоциации “Изьватас” не нужно было убеждать людей, что они отличаются от населения бассейна Вычегды (оппозиция “мы–зыряне” уже существовала); проблемой было убедить их, что они были “изьватас”. Именно с этой проблемой движение и не справилось.

Любой проект конструирования идентичности нуждается в термине для обозначения этой идентичности, и такой термин не может быть просто придуман. Конструкторам идентичности приходится выбирать между существующими терминами, каждый из которых обычно несет с собой множество коннотаций, причем некоторые из этих коннотаций могут быть фатальными для всего проекта.

Еще один урок вытекает из сравнения причин, по которым два проекта создания идентичности были предприняты. Вполне очевидно, что одной из наиболее важных, если не наиболее важной, целей проекта создания ижемской этничности было получение прав и льгот, предусмотренных в российском законодательстве для малых коренных народов севера. Эти права и льготы являются объективно важными для северных коми. Цель создания коми-пермяцкой идентичности понять сложнее. Видимо, после того, как коми-пермяцкий округ был создан в 1925 г., советская администрация просто уже не могла принять точку зрения активистов области Коми и Пермьского округа, в соответствии с которой коми, проживающие в этих двух образованиях, являются единым народом. Если бы она приняла данную точку зрения, то это автоматически означало бы, что создание Коми-Пермьского округа было существенным отклонением от коммунистической национальной политики, предусматривающей создание одной этнической территории для одной этнической группы.

Наконец, третий важный вывод касается роли границы, которая является “самостоятельным социально-историческим феноменом”. Мы согласны с тем, что “границы являются решающим фактором в формировании соответствующих обществ; они имеют то значение, которое отражает в них общество, в рамках которого они существуют” (*Штёлтинг* 1999: 5). В данном случае, вероятнее всего, решающую роль играл статус границы. Границы, которыми можно очертить территорию ижемцев, — это географические границы, не имеющие административного статуса, а границы, в пределах которых формировались коми-пермяки как отдельное этническое сообщество, — это административные границы.

В заключение заметим, что создание двух административных территорий для коми не было чем-то уникальным в истории СССР. Достаточно вспомнить три территории ненцев (Ненецкий АО, Ямало-Ненецкий АО и Долгано-Ненецкий АО) и три — бурят (Бурятская АССР, Агинский АО и Усть-Ордынский АО). Как и в случае с двумя территориями для коми, экономические связи и эффективность управления были главными причинами их создания. В то же время никаких попыток создать отдельные идентичности для ненцев каждого из трех округов не было предпринято, равно как и для бурят, проживавших в разных округах. Причины этого нуждаются в дальнейшем выяснении.

Источники и материалы

Вычегодско-вымская летопись 1958 — Вычегодско-вымская летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар, 1958. С. 257–271.

Миллер 1791 — *Миллер* Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии народов. СПб.: Российская академия наук, 1791.

ПМА 1 — Полевые материалы экспедиций К. В. Истомина, собранные во время работы в Ямало-Ненецком АО в 2008–2010 гг.

ПМА 2 — Полевые материалы экспедиции в Ижемский р-н Республики Коми, июль 2014 г.

Научная литература

Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер с англ. В. Николаева. М.: “КАНОН-пресс-Ц”, 2001.

Бараксанов Г. Г. Строительство коми литературного языка в 20–30-е годы. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1989.

Белицер В. Н. Очерки по этнографии народов коми. XIX — начало XX в. М.: Наука, 1958.

- Воронков В., Освальд И.* Введение. Постсоветские идентичности // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В. Воронкова и И. Освальд. СПб.: “Дмитрий Буланин”, 1998. С. 6–36.
- Давыдов В. Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1977.
- Истомин К. В.* Этноэкологическая характеристика коми-ижемского оленеводства. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2004.
- Ким Хе Чжин, Шабаев Ю. П., Истомин К. В.* Локальная группа в поисках идентичности (коми-ижемцы: динамика культурных трансформаций) // Социологические исследования. 2015. № 8. С. 85–92.
- Малахов В. С.* Национализм как политическая идеология. М.: Книжный дом “Университет”, 2005.
- Сахарова М. А., Сельков Н. Н.* Ижемский диалект коми языка. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1976.
- Сметанин А. Ф.* (ред.) История Коми: с древнейших времен до конца XX века. Т. 1. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 2004.
- Соколовский С. В.* Образы Других в российской науке, политике и праве. М.: “Путь”, 2001.
- Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ. Кудымкар: Пермское книжное издательство, 1990.
- Тишков В. А.* Стратегия и механизмы национальной политики // Национальная политика в Российской Федерации / Под ред. В. А. Тишкова. М.: Наука, 1993. С. 8–40.
- Тишков В. А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003.
- Филиппов В. Р.* Критика этнического федерализма. М.: Центр цивилизационных и региональных исследований, 2003.
- Филиппова Е. И.* Проблема идентичности в антропологии // Этнопанорама. 2008. № 1–2. С. 12–17.
- Шабаев Ю. П.* Коми-пермяки: тенденции этнокультурного развития // Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития / Под ред. Ю. П. Шабаева. М.: ЦИМО, 2000. С. 19–100.
- Шабаев Ю. П., Жеребцов И. Л.* Коми-пермяки в меняющемся мире // Нестор. Журнал истории и культуры России и Восточной Европы. № 10. Финно-угорские народы России: проблемы истории и культуры. Источники, исследования, историография. СПб.: “Нестор-История”, 2007. С. 141–164.
- Шабаев Ю. П., Дронова Т. И., Шаранов В. Э.* Коми-ижемцы, поморы и устьицлемы: модели культурных трансформаций // Этнографическое обозрение. 2010. № 5. С. 134–151.
- Штёлтинг Э.* Социальное значение границ // Кочующие границы: сборник статей по материалам международного семинара / Под ред. О. Бредниковой, В. Воронкова. Вып. 7. СПб.: Центр независимых социологических исследований, 1999. С. 6–8.
- Comaroff J. L., Comaroff J.* Ethnicity, Inc. Chicago: University of Chicago Press, 2009.
- Lefebvre H.* The Production of Space. Oxford: Blackwell, 1991.
- Moore M.* A Political Theory of Territory. Oxford: Oxford University Press, 2015.
- Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 53 (2). P. 414–452.
- Storey D.* Territories: The Claiming of Space. L.: Routledge, 2012.

Research Article

Shabaev, Y.P., and K.V.Istomin. Territoriality, Ethnicity, and Administrative and Cultural Borders: The Komi-Izhemtsy (Izvatatz) and Komi-Permyak as the “Other” Komi [Territorial’nost’, etnichnost’, administrativnye i kul’turnye granitsy: komi-izhemtsy (iz’vatas) i komi-permiaki kak “drugie” komi]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 99–114. ISSN0869-5415 © Russian Academy of Sciences © Nauka Publishers

Yuri Shabaev | <http://orcid.org/0000-0002-0867-4662> | shabaev@mail.illhkomisc.ru | Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center (26 Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia)

Kirill Istomin | <http://orcid.org/0000-0002-6599-4945> | kistomin@naver.com | Institute of Language, Literature and History of the Komi Science Center (26 Kommunisticheskaya Str., Syktyvkar, Komi Republic, 167982, Russia)

Keywords: Komi, Komi-Permyak, Komi-Izhemtsy, identity, territoriality

Abstract:

The article discusses the attempts at ethnicization of territorial identities that took place in the regions inhabited by the Komi. The Komi-Zyrian and Komi-Permyak share the same ethnonym (*Komi*), and some linguists consider the Komi-Zyrian and Komi-Permyak languages to be the two main varieties of the single Komi language. Yet, it is an acknowledged fact that, during the twentieth century, a distinct Komi-Permyak identity was shaped. There were further attempts to develop a separate identity of *Izhemtsy* for the Pechora area Komi; however, they were less successful.

Funding Information

This research was supported by the ERA.Net RUS Plus Programme [grant no. 189] (CORUNO)

References

- Anderson, B. 2001. *Voobrazhaemye soobshchestva: razmyshleniia ob istokakh i rasprostraneniï natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-TS.
- Baraksanov, G.G. 1989. *Stroitel'stvo komi literaturnogo yazyka v 20–30-e gody* [The Construction of the Komi Literary Language]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo.
- Belitser, V.N. 1958. *Ocherki po etnografii narodov komi: XIX – nachalo XX v.* [Essays in the Komi Ethnography: The 19th – Early 20th Centuries]. Moscow: Nauka.
- Comaroff, J.L., and J. Comaroff. 2009. *Ethnicity, Inc.* Chicago: University of Chicago Press.
- Davydov, V.N. 1977. *Prisoedinenie Komi kraia k Moskovskomu gosudarstvu* [The Addition of the Komi Region to the Moscow State]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo.
- Filippov, V.R. 2003. *Kritika etnicheskogo federalizma* [A Critique of Ethnic Federalism]. Moscow: Tsentr tsivilizatsionnykh i regionalnykh issledovaniï.
- Filippova, E.I. 2008. Problema identichnosti v antropologii [The Problem of Identity in Anthropology]. *Etnopanorama* 1–2: 12–17.
- Istomin, K.V. 2004. *Etnoekologicheskaiia kharakteristika komi-izhemsikogo olenevodstva* [Ethnic-Ecological Characteristics of the Komi Izhemtsy Reindeer Breeding]. PhD diss. abstract, Institute of Ethnology and Anthropology, Moscow.
- Kim Hye Jin, Y. P. Shabaev, and K. V. Istomin. 2015. Lokalnaia gruppa v poiskakh identichnosti (komi-izhemtsy: dinamika kulturnykh transformatsii) [A Local Group in Search of Identity (Komi Izhemtsy: The Dynamics of Cultural Transformations)]. *Sotsiologicheskie issledovaniia* 8: 85–92.
- Lefebvre, H. 1991. *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
- Malakhov, V.S. 2005. *Natsionalizm kak politicheskaiia ideologiia* [Nationalism as a Political Ideology]. Moscow: Knizhnyi dom “Universitet”.
- Moore, M. 2015. *A Political Theory of Territory*. Oxford: Oxford University Press.
- Sakharova, M.A., and N.N. Selkov. 1976. *Izhemskii dialekt komi yazyka* [The Izhma Dialect of the Komi Language]. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo.
- Shabaev, Y.P. 2000. Komi-permiaki: tendentsii etnokulturnogo razvitiia [The Komi-Permyak: Ethnic-Cultural Development Trends]. In *Komi-Permiatskii avtonomnyi okrug: problemy sotsial'no-ekonomicheskogo i natsional'nogo razvitiia* [The Komi-Permyak Autonomous Region: Issues in Social-Economic and National Development], edited by Y. P. Shabaev, 19–100. Moscow: TsIMO.
- Shabaev, Y.P., T. I. Dronova, and V. E. Sharapov. 2010. Komi-izhemtsy, pomory i ust-tsilemsy: modeli kulturnykh transformatsii [Komi-Izhemtsy, Pomors, and Ust-Tsilemsy: Patterns of Cultural Transformations]. *Etnograficheskoe obozrenie* 5: 134–151.

- Shabaev, Y.P., and I. L. Zherebtsov. 2007. Komi-permiaki v meniaiushchemsia mire [The Komi-Permyak in the Changing World]. *Nestor: Zhurnal istorii i kultury Rossii i Vostochnoi Evropy* 10: 141–164.
- Shtelting, E. 1999. Sotsial'noe znachenie granits [The Social Meaning of Borders]. In *Kochuiushchie granitsy* [Nomadic Borders], edited by O. Brednikova and V. Voronkov, 7: 6–8. St. Petersburg: Tsentr nezavisimyykh sotsiologicheskikh issledovaniy.
- Slezkine, Y. 1994. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism. *Slavic Review* 53 (2): 414–452.
- Smetanin, A.F., ed. 2004. *Istoriia Komi: s drevneishikh vremen do kontsa XX veka* [A History of the Komi: From the Ancient Times to the End of the 20th Century]. Vol. 1. Syktyvkar: Komi knizhnoe izdatelstvo.
- Sokolovskiy, S.V. 2001. *Obrazy Drugikh v rossiiskoi nauke, politike i prave* [Images of Others in Russian Sciences, Politics, and Law]. Moscow: Put'.
- Tarakanov, F.G. 1990. *Bor'ba za okrug* [A Struggle for the Region]. Kudymkar: Permskoe knizhnoe izdatelstvo.
- Storey, D. 2012. *Territories: The Claiming of Space*. London: Routledge.
- Tishkov, V.A. 1993. Strategii i mekhanizmy natsional'noi politiki [The Strategy and Mechanisms of the National Policy]. In *Natsional'naiia politika v Rossiiskoi Federatsii* [National Policies in the Russian Federation], edited by V.A. Tishkov, 8–40. Moscow: Nauka.
- Tishkov, V.A. 2003. *Rekvjem po etnosu* [The Requiem for Ethnos]. Moscow: Nauka.
- Voronkov, V., and I. Osvald. 1998. Vvedenie: postsovetskie identichnosti [Introduction: Post-Soviet Identities]. In *Konstruirovaniie etnichnosti: etnicheskie obshchiny Sankt-Peterburga* [The Construction of Ethnicity: Ethnic Communities of St. Petersburg], edited by V. Voronkov and I. Osvald, 6–36. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin.